

Освальд Шпенглер

значительную часть современного «мирового экономического кризиса». Распределение власти в мире было полностью сдвинуто усилением Соединенных Штатов и их денежными тузами, а также новым обликом Российской империи. Противники и методы стали другими. Современная война экономическими средствами, которую, вероятно, позже назовут Второй мировой войной, привнесла совершенно новые формы большевистского хозяйственного наступления в виде пятилетнего плана, атаки доллара и франка на фунт стерлингов, которая проводится чужими биржами путем управляемой инфляции как разрушения целого национального достояния и автаркии национальных хозяйств, возможно, вплоть до уничтожения экспорта противника, то есть хозяйства и условий существования больших народов. Это и планы Дауэса и Юнга* как попытка финансовых групп свести целые государства к принудительной работе на банки. Речь идет, по существу, о том, чтобы спасти жизнеспособность своей нации путем уничтожения жизнеспособности чужих. Это борьба на краю пропасти. И здесь, когда все другие средства исчерпаны, в свои права вступают средства древнейшие, изначальные, то есть военные: сильная, лучше вооруженная держава принудит более слабую сдать экономическую оборону, капитулировать, исчезнуть. Пушки в конечном счете все же сильнее, чем уголь. Нельзя предусмотреть, как закончится эта хозяйственная война, но ясно, что она снова введет в свои истори-

* План взимания репараций с Германии после Первой мировой войны, разработанный союзной репарационной комиссией под председательством американского банкира Чарльза Дауэса, был утвержден в августе 1924 года на Лондонской конференции представителей держав-победителей в Германии. Позднее был заменен планом Юнга, который был утвержден в январе 1930 года и который устанавливал общий размер репараций, сократив их ежегодные суммы и облегчив порядок их выплаты. Фактически этот план перестал выполняться после предложения президента Герберта Гувера приостановить все платежи на год. Был официально отменен на Лозаннской конференции 1932 года.

EE1 Мировые войны и мировые державы

ческие права государство как авторитет, опирающийся на свободную и потому надежную, хорошо образованную и мобильную профессиональную армию, а хозяйство будет выдворено во второй ряд — туда, где оно и пребывает.

В эту эпоху безвременья, перехода, бесформенности, которая, вероятно, еще не достигла апогея в своем беспорядке и неустойчивости, совсем незаметно обозначаются новые тенденции, направленные в далекое будущее. Развиваются державы, по своей форме и положению способные вести смертельную борьбу за господство на планете, и лишь одну можно будет назвать *гипегит тунсИ*, и она будет таковой, если только ужасная судьба не уничтожит ее прежде расцвета. Нации нового типа будут отличными от сегодняшнего их понимания как совокупности равноправных индивидов, говорящих на одном языке, а также от того, каковыми они были в эпоху Ренессанса, когда живопись, война, лица, мысли, мораль и мнения узнавались с определенностью по их итальянскому стилю и духу, хотя итальянского государства не существовало. Фаустовские нации конца XX века будут избранным средством людей с общим мировосприятием, общим императивом сильной воли и, конечно, общим языком, чтобы язык не характеризовал и не разделял людей сильной расы. И не в смысле сегодняшних расовых предрассудков, а в моем смысле — подразумеваемом сильные инстинкты, превосходство взгляда на действительные вещи, который сегодня в крупных городах и среди бумажных писак не умеют отличать от «духа» простого интеллекта, — превосходство взгляда людей, рождающихся победителями и осознающими это. А как быть с числом? Число тиранило только прошлое столетие,

стоявшее на коленях перед количеством. Один человек значит много против массы рабских душ, от пацифистов до улучшателей мира, стремящихся к покою любой ценой, даже ценой «свободы». Это переход от *populus Romanus** времен Ганнибала к представителям «Рима» в I в. н. э., которые, как, например, Марий и Цицерон, вообще не были «римлянами».

Кажется, что Западная Европа потеряла свое главенствующее значение, но, если отвлечься от политики, это только кажется. Идея фаустовской культуры выросла здесь. Здесь ее корни, и здесь она одержит последнюю победу в своей истории или быстро погибнет. Решения, пусть даже они и не осуществляются, совершаются ради Европы, ради ее духа, а не из-за денег или для счастья. Но тем временем власть переместилась на периферию, в Азию и Америку. В Азии — это власть над самой большой территорией земного шара внутри одной страны, в Соединенных Штатах и английских доминионах — над обоими, связанными Панамским каналом, мировыми океанами. Между тем ни одна из современных мировых держав столь не прочна, что о ней можно с определенностью сказать, что через сто, пятьдесят лет она еще будет державой, да и вообще будет существовать.

Что такое сегодня мировая держава? Это государственное или сходное с государственным образование, с правительством, имеющим всемирно-политические цели и, вероятно, силу, чтобы их достичь, все равно на какие средства оно опирается: армию, флоты, политические организации, кредиты, мощные банковские или промышленные группы с общими интересами, наконец и прежде всего, на сильную стратегическую позицию в мире. Все они могут быть обозначены именами тех миллионных городов, в которых собраны власть и дух этой власти. По отноше-

* Римский народ (лат.).

нию к ним целые страны и народы являются не чем иным, как «провинцией».

Это прежде всего «Москва», таинственная, полностью непредсказуемая для европейского понимания, решающий фактор для Европы с 1812 года, когда она еще как государство принадлежала к Европе, а с 1917 года — для всего мира. Победа большевиков означает исторически нечто совсем иное, чем социально-политическую или хозяйственно-теоретическую победу. Азия вновь завоевывает Россию, после того как «Европа» аннексировала эту страну через Петра Первого. Понятие Европы исчезает, таким образом, из сознания политиков, или так должно было произойти, если бы мы имели политиков высокого ранга. Эта «Азия», однако, есть идея, именно идея, имеющая будущее. Сегодняшние формы расы, языка, народа, религии пассивны по сравнению с ней и могут и будут кардинально преобразованы. Что сегодня есть, так это лишь новый образ жизни, неопределимый словами, себя не осознающий, обремененный большой территорией, находящийся на пути к становлению. Определять будущее, рассчитать его, желать внести в программу — значит путать жизнь с фразой о ней, так, как это делает господствующий большевизм, недостаточно осознающий свое западноевропейское, рационалистическое и городское происхождение.

Население этой огромной части суши защищено извне. Протяженность в пространстве — это такая политическая и военная сила, которая еще никогда не была преодолена; это испытал еще Наполеон. Что это даст какому-нибудь противнику, если он займет такие большие территории? Чтобы сделать такие попытки неэффективными, большевики сдвигают центр своей системы дальше на Восток. Важные в политическом отношении промышленные области лежат в целом восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала до Алтая и к югу вплоть до Кавказа.

Целая область западнее Москвы, Белоруссия, Украина, в царской империи когда-то самая жизненно важная от Риги до Одессы, образует сегодня фантастический гласис * против «Европы» и может быть утрачена без потери всей системы. Тем самым любая мысль о наступлении с Запада становится бессмысленной. Оно натолкнется на пустое пространство. Большевицкая власть не является государством в нашем смысле, каким была петровская Русь. Она состоит, как Золотая Орда времен монгольского владычества, из правящей орды, называемой коммунистической партией, с главарями и всемогущим ханом и почти в сто раз большей угнетенной, безоружной массы. От настоящего марксизма, кроме названия и программ, здесь осталось очень мало. На самом деле это татарский абсолютизм, подстрекающий и использующий в своих целях весь мир, угрожающий границам, будь то даже границы предостерегающие, лукавый, жестокий, прибегающий к убийству как повседневному средству управления, не исключаяющий возможности в любое мгновение увидеть появление Чингисхана, накатывающего на Азию и Европу.

Истинный русский в своем восприятии жизни остался кочевником, как туркмен или маньчжур — житель Северного Китая. Для него Родина — это не его деревня, а вся бескрайняя равнина, матушка Русь. Дух этого бесконечного ландшафта побуждает его к бесцельному странствованию. «Воля» отсутствует. Германское же чувство жизни имеет цель, которая должна быть достигнута: далекие страны, проблемы, бог, власть, слава или богатство. Крестьянские семьи, ремесленники и рабочие странствуют из одной местности в другую, от фабрики к фабрике, не из-за бедности, а следуя только внутреннему побуждению. Никакие насильственные мероприятия Советов не

* От франц. *Slaas* — пространство перед крепостным рвом, «крепостная часть» (В. Даль).

могут воспрепятствовать этому, хотя делают невозможным возникновение сословия обученной и связанной с предприятием рабочей силы. Уже поэтому закончится неудачей их попытка создавать и развивать хозяйство западноевропейского типа без постоянной помощи.

Однако воспринимается ли еще серьезно коммунистическая программа как идеал, ради которого принесены в жертву миллионы людей и ради которого миллионы голодают и живут в нищете? Или же это только в высшей степени действенное боевое средство защиты от подчиненной массы, прежде всего крестьян, и нападения на ненавистный нерусский мир, который должен быть развращен, прежде чем низвергнут. Ясно, что фактически мало что изменилось бы, если бы однажды по причинам политической целесообразности коммунистические идеи потерпели крах. Названия были бы другими; административные объединения хозяйственных организаций назывались бы концернами, комиссии — наблюдательными советами, сами коммунисты — владельцами акций. В остальном же западная капиталистическая форма уже давно существует.

Однако эта власть способна только на пропаганду и не может начать войну за пределами своих границ ни на Востоке, ни на Западе. Для этого коммунистическая система с ее западноевропейскими рационалистическими чертами, ведущими свое происхождение еще из литературного петербургского подполья, слишком искусственна. Она не могла бы пережить ни поражения, ни победы: одному победоносному генералу проиграла бы вся московская бюрократия. Советская Россия была бы заменена какой-нибудь другой Россией, а правящая клика была бы, вероятно, казнена. Но тем самым был бы преодолен большевизм марксистского толка, а националистически-азиатское разрослось бы беспрепятственно до гигантских размеров. Насколько вообще надежна Красная

армия? Какова ее боеспособность? Как обстоит дело с профессиональными и нравственными качествами «офицерского корпуса»? На парадах в Москве демонстрируются только элитные полки из преданных коммунистов, собственная лейб-гвардия властей предержажших. Провинция полна слухами о подавленных заговорах. А железные дороги, самолеты, военная промышленность — насколько они вообще способны к серьезным испытаниям? Достоверно известно, что действия русских в Манчжурии и соглашение с Западом о ненападении выдают желание любой ценой избегать военных столкновений. Другие средства: экономическое уничтожение противника посредством торговли и особенно революция, мыслимая не как идеальная цель, а как оружие, которое было применено Англией и Францией в 1918 году против Германии, — безопаснее и действеннее.

Япония, напротив, занимает очень сильные позиции. На море она почти неуязвима из-за гряды островов, узкие проходы между которыми могут быть надежно защищены минными полями, подводными лодками и самолетами, так что Японское море будет недоступно для любого вражеского флота. Сверх того, Япония обеспечила себе в Манчжурии материковую область с мощным хозяйственным будущим — соевые бобы уже сегодня подорвали рентабельность производства кокосового и пальмового масла в южной части Тихого океана и Западной Африке, население Манчжурии стремительно растет, и границы ее еще окончательно не определены. Малейшая попытка большевиков выдвинуть военную силу обернулась бы захватом Владивостока, Восточной Монголии и, может быть, Пекина. Единственным практическим противодействием является красная революция в Китае, но со времен основания Гоминьдана она терпит поражение из-за «капиталистических» атак, а именно из-за подкупа генералов и целых армий с обеих сторон. Древние феллахские народы — ин-

дийцы и китайцы — больше не могут играть самостоятельную роль в судьбах великих держав. Они могут менять господ, изгонять их, как, например, англичан из Индии, чтобы быть поработенными другими, но они никогда уже не смогут создать собственную внутреннюю форму политического бытия. Для этого они слишком старые, недвижимые, усталые. Форма и цели сегодняшнего сопротивления: свобода, равенство, парламент, республика, коммунизм и т. д. — все без исключения импортированы из Западной Европы и Москвы. Они объекты и средства борьбы для других государств, их страны — поле битвы за чужие и чуждые решения, но благодаря этому они могут приобрести огромное, пусть и преходящее, значение.

Несомненно, Россия и Япония рассматривают имеющиеся здесь возможности и тайно пользуются такими средствами, которых «белый» не знает и не видит. Но сильна ли Япония сегодня так же, как во времена Русско-японской войны? Тогда у власти стоял гордый, имеющий понятия чести, бесстрашный старинный класс самураев, несущий в себе все лучшее, что имеется у каждого народа. Но сегодня говорят о радикальных партиях, забастовках, большевистской пропаганде и убийствах министров. Не миновало ли это великолепное государство своего апогея, не отравлено ли тлетворным демократическим, марксистским влиянием разлагающихся белых народов сейчас, когда борьба за Тихий океан вступила в решающую фазу? Если оно еще обладает своей былой наступательной силой, то в сочетании с уникальным стратегическим положением на море в состоянии противостоять любым вражеским уловкам. Но кто здесь может считаться серьезным противником? Россия — определенно нет, и столь же мало какая-нибудь западноевропейская страна. Именно здесь остро чувствуется утрата этими государствами их прежнего политического положения. Почти двадцать лет

назад были заняты Порт-Артур, Вейхайвей и Циндао *, полным ходом шло разделение Китая на сферы интересов западных государств. Тихоокеанская проблема была когда-то европейской. Теперь даже Англия не решается начинать запланированное десятилетия назад строительство Сингапура. Он должен был стать мощной базой английского флота на случай осложнений в Восточной Азии, но устоит ли он против Японии и Франции, если откроется сухопутный путь через Индокитай? Если Англия утратит свое прежнее положение в этих морях и подставит тем самым Австралию под японское давление, то Австралия определенно выйдет из состава империи и примкнет к Америке. Америка — единственный серьезный противник, но сильна ли она на море, несмотря на Панамский канал? Сан-Франциско и Гавайи слишком удалены друг от друга, чтобы быть морскими базами для противостояния Японии, Филиппины едва ли можно удержать, а Япония имеет в Латинской Америке возможных союзников против Нью-Йорка, значение которых не уменьшается, как бы ни были бы на этот счет мнения.

Являются ли Соединенные Штаты державой с большим будущим? Поверхностные наблюдатели перед 1914 годом, пару недель осмотревшись вокруг себя, говорили о неограниченных возможностях, а новое западное «общество» из снобов и сброда мечтало после 1918 года о молодом, сильном, далеко нас превосходящем и просто образцовом американском народе (Атепкапегтит). Однако здесь произошла путаница рекордов и долларов с душевной силой и глубиной,

* Военные базы, занятые Японией в ходе войн конца XIX — начала XX века с Россией, Китаем и Германией.

которые должны быть у народа (УоБШит), если страна хочет иметь будущее, спорта — со здоровьем нации, а предпринимательской сметки — с духом. Что такое «стоцентный» американизм? Заниженные средние нормативы жизни, примитивная поза или обещание будущего?

Ясно, что здесь нет ни действительного народа, ни действительного государства. Могут ли они еще образоваться по прихоти суровой судьбы или это исключено для колониального человека, чьи духовные истоки лежат в иных краях и теперь утрачены? Американец, как и англичанин, говорит не о государстве или отчизне, а об «этой стране». Реально же речь идет об огромной территории и скитающемся от города к городу населению, идущем на долларовую охоту, словно звероловы, безоглядно и разнузданно, ибо закон только для тех, кто не обладает хитростью или недостаточно всесилен, чтобы презирать его.

Сходство с большевистской Россией здесь гораздо больше, чем думают: те же просторы, исключаящие любые успешные атаки противника, а значит, не допускающие мысли о возможной национальной угрозе, следовательно, структура государства излишня, и чисто политическое мышление возникнуть не может. Жизнь представлена исключительно экономикой, и чем больше, тем более отсутствует в ней элемент настоящей исторической трагедии, судьбы, углублявшей и воспитывавшей на протяжении столетий европейские народы. Религия, первоначально строгий пуританизм, стала видом отдыха, обязательного, как долг, а война — новым видом спорта. И здесь и там царит диктатура общественного мнения — предписания партии или общества, распространяющиеся на все, что в Европе предоставлено воле отдельного человека: любовь и посещение церкви, обувь и косметика, модные танцы и модные романы, мышление, еда и удовольствия. Все для всех одинаково. Есть нормированный по фигуре, моде и душе

тип американца, и прежде всего американки, и тот, кто выступает против, кто отваживается его публично критиковать, тот подвергается всеобщему осуждению в Нью-Йорке так же, как и в Москве. И наконец, обнаруживается почти русская форма государственного социализма или государственного капитализма, представленная многочисленными трестами, которые, соответствуя русской системе хозяйствования, планируют, нормируют и управляют производством и сбытом. Они являются подлинными хозяевами страны здесь и там. Это фаустовская воля к власти, когда-то органически возникшая и преобразовавшаяся в бездушно-механическое. Долларовый империализм, пронизывающий всю Америку до Сантьяго и Буэнос-Айреса, пытающийся повсюду исключить и похоронить западноевропейское, прежде всего английское, хозяйство. Включая политическую власть в хозяйственные тенденции, он уподобляется большевизму с его лозунгом: «Азию — азиатам!» и соответствует в основных чертах сегодняшней доктрине Монро для Латинской Америки: вся Америка под экономическую власть Соединенных Штатов. Таков главный смысл создания властью доллара таких «независимых» республик, как Куба и Панама, вмешательства в Никарагуа и свержения неудобных президентов до самого юга.

Однако эта «свобода» от государства и закона, обеспечиваемая чисто экономической направленностью жизни, имеет оборотную сторону. Из нее возникла морская держава, превосходящая Англию и господствующая над двумя океанами, вплоть до самого юга. Так возникли колониальные владения — Филиппины, Гавайи, Вест-Индия. Из-за деловых интересов благодаря английской пропаганде она все глубже вовлекалась в Первую мировую войну вплоть до участия в военных действиях. Итак, Соединенные Штаты стали ведущим элементом мировой политики, осознают они это или нет, но отныне они долж-

ны строить свою внутреннюю и внешнюю политику с точки зрения государственной власти или же прекратить свое существование в сегодняшнем виде. Назад пути нет. Могут ли решить «янки» эту трудную задачу? Стабилен ли их образ жизни или же это только модная телесная и духовная оболочка? А сколько жителей страны вообще не принадлежат к господствующему англосаксонскому типу? Если вообще не брать во внимание негров, за двадцать лет до войны туда въехали лишь немного немцев, англичан и скандинавов, но пятнадцать миллионов поляков, русских, чехов, балканских славян, восточноевропейских евреев, греков, жителей Передней Азии, испанцев и итальянцев. По большей части они не растворились среди американцев и образуют чужеродный, инакомыслящий и очень плодовитый пролетариат с духовным центром в Чикаго. Они хотят свободной, незаконной экономической борьбы, но понимают ее по-своему.

Очевидно, что нет никакой коммунистической партии. Ее — как организации для избирательных целей — не было и в царской империи. Но здесь, как и там, есть мощное подполье (Ппегегу/еИ:), почти по Достоевскому, нацеленное на завоевание власти, со своими методами пропаганды и ведения бизнеса, которое из-за обычной коррупции органов управления и безопасности, и прежде всего контрабанды алкоголя, усиливает политическую и социальную деморализацию до предела — достигает даже очень состоятельных слоев общества. Это подполье включает в себя и профессиональных преступников, и тайные общества типа Ку-клукс-клана. Оно охватывает негров и китайцев, деклассированные элементы из разных европейских стран и состоит из очень действительных, частично уже устаревших организаций по образцу итальянской каморры, испанских герильяс, русских нигилистов до 1917 года и чекистов после 1917-го. Линчевание, похищение и покушение, смерть, грабёж и поджог давно стали испытанными

средствами политико-экономической пропаганды. Их предводители, по образу Джека Даймонда и Аль-Капоне, владеют виллами, автомобилями, банковским состоянием, превосходящим состояние многих трестов и некоторых стран. На обширных малонаселенных территориях революции протекают в иных формах, чем в крупных городах Западной Европы. Латиноамериканские республики доказывают это непрерывно. Здесь нет сильного государства, которое должно было бы быть свергнуто в борьбе против старой традиционной армии, но нет и такого государства, которое гарантировало бы существующий порядок благодаря почтению перед его наличием. То, что здесь называется *§oyepлreп1**, может очень быстро превратиться в ничто. Уже перед войной тресты защищали от бастующих свои предприятия собственными укреплениями и винтовками. В «стране свободы» есть только решимость свободных людей помочь самим себе — револьвер в кармане является американским изобретением, — но эту решимость имеют не только одиночки. Совсем недавно фермеры в Айове взяли в осаду пару городов и угрожали голодной блокадой, если их продукция не будет сбываться по приемлемым для них ценам. Несколько лет назад любо-го, кто заикнулся бы о революции в этой стране, объявили бы сумасшедшим. Сегодня подобные мысли давно уже не новость. Что будет делать масса безработных — я повторяю: в преобладающей своей части не «стоцентные американцы», — когда их источники вспомоществования истощатся, не будет никакой государственной поддержки, потому что нет никакого организованного государства с точной и честной статистикой и учетом нуждающихся? Вспомнят ли они силу своих кулаков и общие экономические интересы с подпольем? И найдет ли в себе, боясь с этой огромной опасностью духовно примитив-

* Управление, правительство (англ.).

ный, только о деньгах думающий высший слой те когда-то уснувшие моральные силы, которые ведут к действительному построению государства и духовной готовности пожертвовать для него собственностью и кровью, вместо того чтобы по-прежнему использовать войну как средство для получения денег? Или же переселят особые экономические интересы отдельных районов, и, как когда-то в 1861 году, приведут к распаду страны на отдельные штаты — на промышленный Северо-Восток, фермерский Средний Запад, негритянские штаты Юга и область по ту сторону Скалистых гор?

Если отвлечься от Японии, имеющей лишь желание беспрепятственно осуществить свои империалистические планы в Восточной Азии и Австралии, то есть только одна власть, которая все сделает и принесет любую жертву, чтобы способствовать такому распаду, — это Англия. Она однажды это уже делала, подойдя вплотную к объявлению войны в 1862—1864 годах, во время Гражданской войны, когда для южных штатов в британских портах были построены или закуплены военные и каперные корабли. Вооруженные, укомплектованные командой — «Алабама» даже британскими матросами, — они, встречая на своем пути торговые суда северных штатов, их жгли и топили. Тогда Англия была еще бесспорной владычицей морей. Это была единственная причина, по которой правительство в Вашингтоне не решилось на объявление войны. «Свобода моря» была английской свободой торговли и не иначе. В 1918 году это закончилось. Англия, бывшая в XIX веке денежным мешком, сегодня недостаточно богата, чтобы сохранять первенство в строительстве флотов, а ее власти недостаточно, чтобы силой воспрепятствовать превосходству других. Предчувствие этого исторического рубежа было одной из причин войны против Германии. Ноябрь 1918 года, вероятно, последний, слышком короткий период, для того чтобы эта вчерашняя

ЩЩЛ Освальд Шпенглер

власть могла позволить себе насладиться иллюзией великой победы. И даже не отставание в строительстве линкоров, а сам смысл господства на море — как это было показано выше — принципиально изменился. Наряду с подводными лодками оружием превосходства стали самолеты, значит, суша стала важнее побережий и портов. Для французских бомбардировочных эскадрилий в стратегическом плане Англия перестала быть островом. Вместе с тяжелым линкором на дно прошлого ложится господствовавшая когда-то на море Англия.

Однако и английская нация, с точки зрения ее развития, уже недостаточно сильна, недостаточно молода и здорова, чтобы уверенно преодолеть этот тяжелый кризис. Англия устала. Еще в XIX веке она отдала слишком много драгоценной крови за свои владения, для переселения в белые доминионы, из-за климатических опустошений в цветных колониях. И прежде всего у нее нет природной основы сильного крестьянства. Господствующий с норманнских времен высший слой из германцев и кельтов — между ними нет различия — растрочен. Повсюду однородное коренное население, неверно называемое кельтами², с его «французским» чувством жизни, занимает господствующие позиции и уже превратило, например, старую олигархическую форму образцового парламентского правления в грязную партийную борьбу на манер континентальной анархии. Голсуорси с глубоко мучительным пониманием отразил эту трагичность вымирания в своей «Саге о Форсайтах». Так идеал рантье экономически победил капиталистический империализм. Еще есть значительные остатки прежнего богатства, но отсутствует стимул завоевывать новое, способы развития промышленности и торговли устаревают, отсутствует творческая энергия для создания новых форм по американским и немецким образцам. Предприимчивость отмирает, и молодое поколение духовно, нравственно и ми-

га! Мировые войны и мировые державы

ровоззренчески покидает вершины, которых достигало английское общество в прошлом столетии, самое могущественное и беспримерное в мире. Старый призыв «Euphonia exheredat eueguta go clo Ыз сдигу»*, который до войны каждый юный англичанин из хорошей семьи, обучавшийся в Итоне и Оксфорде, относил к себе, сегодня звучит в пустоте. Играючи увлекаются большевизмом, эротикой занимаются как спортом, спортом как профессией и смыслом жизни. Когда разразилась война, люди старшего поколения, занимавшие видные государственные посты, были озабочены мыслью о том, кто будет защищать идеал Великой Британии после них. Бернард Шоу в пьесе «Тележка с яблоками» дал понять, что «кое-кто» будет скорее вести до конца безнадежную борьбу против сверхдержавы Америки, чем сдастся, но сколько будет таких через десять или двадцать лет? В Вестминстерском статуте 1931 года Англия полностью уравнивала белые доминионы в Сообществе наций. Она отказалась от собственного превосходства и связала себя с этими государствами на основе общих интересов, прежде всего для защиты со стороны английского флота. Но уже завтра Канада и Австралия могут без сантиментов вернуться к Соединенным Штатам, если последние смогут лучше охранять их интересы белой нации против желтой Японии. По ту сторону от Сингапура бывшие позиции Англии уже сданы, и если Индия будет потеряна, то и плацдарм в Египте и на Средиземном море не будет иметь смысла. Английская дипломатия старого образца напрасно пытается мобилизовать весь континент, как когда-то для своих целей против Америки — в виде фронта должников — и против России — в виде фронта против большевизма. Но это уже дипломатия позавчерашнего дня. Она имела последний значительный успех в 1914 году. И как быть, если при

* Англия ждет от каждого исполнения своего долга (англ.).

последних взлетах традиционной английской гордости Россия и Америка договорятся друг с другом? В этом нет ничего невозможного.

По сравнению с такими событиями, в которых, не исключено, на века складывается мрачная, угрожающая судьба мира, романские страны имеют лишь второстепенное значение. В том числе и Франция, столица которой, подобно Вене и Флоренции, Афинам в римскую эпоху, становится лишь исторической достопримечательностью. Пока старое дворянство с кельтской и германской кровью, чьи генеалогические древа, укоренные во времена переселения народов и разветвившиеся в эпоху крестовых походов, держали в руках большую политику, приблизительно до Людовика XIV еще существовали большие цели — такие как крестовые походы и учреждение колоний в XVII веке. Однако французский народ издавна ненавидел крепнувших соседей — испанцев, англичан, поскольку успехи последних задевали его тщеславие, но более всего — немцев как в государстве Габсбургов, так и Гогенцоллернов, древняя ненависть к которым до безумия возросла со времени неудавшейся «мести за Садову»*. Никто не отваживался размышлять в перспективе пространства и времени — ни в политике, ни в философии, — и стремление к *§Ыге*** всегда удовлетворялось лишь присоединением или опустошением пограничных территорий. Какой настоящий француз — за исключением высших военных чинов и парижских коммерсантов — по-настоящему воодушевлен огромными владениями в Западной Африке? Или Индокитаем? И что за дело этим чинам и торговцам до Эльзаса — Лотарингии, после

* Битва при Садове (Чехия) в 1866 году, в ходе которой прусские войска под командованием Мольтке одержали победу над австрийскими войсками, привела к окончательному отказу Австрии от объединения германских государств.

** Слава (франц.).

того как они ее «завоевали обратно»? После этого она потеряла для них всякую привлекательность.

Французская нация духовно все более отчетливо разделяется на две различные части. Одна, гораздо более многочисленная, — «жирондистский элемент», провинциальный француз, мечтающий о своих дивидендах, крестьянин, буржуа. Они хотят только спокойствия народа, усталого, ставшего бесплодным в грязи, жадности и тупости, немного денег, вина, *атоиг* и не хотят ничего слышать о большой политике, о хозяйственном честолюбии, о борьбе за важные жизненные цели. Над этой частью находится постепенно становящийся все меньше якобинский слой, определявший с 1792 года судьбу страны и окрестивший национализм французского образца по комичной фигуре из 1831 года по фамилии Шовен. Этот слой состоит из офицеров, промышленников, высших чиновников бюрократии, строго централизованной Наполеоном, журналистов парижской прессы, депутатов — безотносительно к партиям и программам, ибо быть депутатом означает в Париже частное, а не партийное дело, — и некоторых могущественных организаций, таких как ложа и союз фронтовиков. Он тихо управляется и используется в Париже уже целое столетие международными финансовыми воротилами, оплачивающими прессу и выборы. Шовинизм давно стал прибыльным бизнесом.

Господство этого высшего слоя покоится сегодня на безликосте, но настоящем страхе провинции перед внешнеполитическими угрозами и новым обесцениванием сбережений, на страхе, который подогревается парижской прессой и испытанным способом проведения выборов. Однако такое настроение на долгие годы представляет опасность для соседних стран, для Англии и Италии так же, как и для Германии. Оно было использовано накануне 1914 года Англией и Россией в своих целях, и сегодня в качестве инструмента может быть использовано ловким государственным

деятелем какой-нибудь другой страны. Образ Шовена давно стал антиподом испанскому Дон-Кихоту и сегодня своей грандиозной комичностью вызывает насмешки половины мира: одряхлевший смельчак, — после многих подвигов, с самой большой в мире кучей денег, вооруженный до зубов, обвешанный всевозможными военными штуками, окруженный тяжеловооруженными слугами, зовущий вчерашних друзей на помощь, — выглядит дрожа из окон своего дома, перестроенного в крепость и при виде любого легковооруженного соседа впадает в панику. Это конец *%ганАе наНон* *. Ее наследство в Средиземном море и Северной Африке станет, вероятно, добычей Муссолини, если под его руководством сохранится столь долго, чтобы приобрести необходимую душевную стойкость.

О какой из этих держав сегодня можно сказать, сохранится ли она в своем сегодняшнем виде хотя бы до середины столетия? Англия может ограничиться своим островом, Америка — развалиться; Япония и Франция, одни знающие, чего стоит сильная армия, могут оказаться в руках коммунистических правителей. Будущее России нельзя даже приблизительно предположить. Но преобладать будет современное противостояние между Англией и Россией на Востоке и Англией и Америкой на Западе. В обоих случаях Англия сдаст свои экономические, дипломатические, военные и моральные позиции, а утраченное невозможно будет восстановить даже путем войны. Означает ли это неизбежный выбор между войной и капитуляцией? Или нет даже и такого выбора? Большинство англосаксов по обеим сторонам Атлантического океана полагают, что они крепче связаны кровью и традицией, чем это можно было бы достичь каким-либо решением. Однако вера в то, что голос крови сильнее, чем разделяющие водные пространства, не

* Великая нация (франц.).

выдержала испытания ни в Англии, ни в Германии. Братская ненависть становилась сильнее ненависти к чужим людям, и как раз она может по ничтожному поводу мгновенно превратиться в такие страсти, которые исключают путь назад.

Так выглядит мир, окружающий Германию. Такое положение, без вождя и оружия, не обеспечивает обедневшей и разорванной нации даже простого существования. Мы имеем миллионы людей, убитых в России и умерших от голода в Китае, для остального же мира — это лишь газетная новость, которая на следующий день забывается. Никого на свете это не взволнует, если только худшее не случится где-нибудь в Западной Европе. Бояться только угроз; с свершившимся человек быстро свыкается. Умирает один человек или целый народ — они уже не опасны. Из-за такого положения мы, немцы, до сих пор не произвели ничего, кроме шума вокруг партийных идеалов и общей перебранки о преимуществах той или иной профессиональной группы и границах земель. Однако отказ от участия в мировой политике не защищает от ее последствий. В то же самое время когда Колумб открыл Америку, а Васко да Гама нашел морской путь в Ост-Индию, когда западноевропейский мир начал распространять свою власть и свое богатство по всему земному шару, по просьбе английского купечества в Лондоне был закрыт *5и1Но*/*, последний знак бывшего ганзейского величия, и тогда немецкие торговые суда перестали бороздить океаны, так как не было немецкого флага, который мог бы развеваться на мачтах. Так Германия стала страной слишком бедной для большой политики. Она вынуждена была вести свои войны на чужие деньги и ради этих денег и вела их из-за жалких лоскутков своей страны, переходивших от одного карликового государства к другому. Большие решения, принимавшиеся где-то

* Торговое представительство.

Е Я **О с в а л ь д** **Ш п е н г л е р**

там, не учитывались и не понимались Германией. Под политикой понималось нечто столь жалкое и ничтожное, что только люди с очень мелким характером могли заниматься ею. Должна ли такая ситуация вернуться сейчас, в решающие десятилетия? Будем ли мы — как мечтатели, фантазеры, склочники — проглочены событиями и не оставим ничего, что сделало бы нашу историю великой? Игра в кости за мировое господство только началась. Она будет доиграна до конца сильными людьми. Не должны ли быть и немцы среди них?

Белая мировая революция

Так выглядит эпоха мировых войн, в самом начале которой мы находимся. Но за ней появляется второй элемент чудовищного изменения — мировая революция. Что она хочет? В чем она заключается? Что должно означать это слово в его самом глубинном значении? Полное содержание ее сегодня понято столь же мало, как и исторический смысл Первой мировой войны, отстоящей от нас совсем недалеко. Речь идет не об угрозе мировому хозяйству со стороны московского большевизма, как это полагают одни, и не об «освобождении» рабочего класса, как это полагают другие. Это лишь вопросы, лежащие на поверхности. Прежде всего: эта революция не угрожает, а мы находимся в ней, и не со вчерашнего дня и сегодня, а уже более столетия. Она пронизывает «горизонтальную» борьбу между государствами и нациями вертикальной борьбой между руководящими слоями белых народов и остальными. А в глубине ее началась уже гораздо более опасная вторая часть этой

революции: атака на белых вообще со стороны всей массы цветного населения Земли, которое будет долго подходить к осознанию своей общности.

Эта борьба господствует не только между слоями людей, но и помимо общества — внутри душевной жизни отдельного человека. Почти каждый из нас имеет в себе это раздвоение чувствования и полагания, хотя сам не знает про это. Поэтому столь мало людей приходят к ясному пониманию того, на какой стороне они действительно находятся. Но как раз это и показывает внутреннюю необходимость такого решения, которое выходит далеко за пределы личных желаний и действий.

Очень мало достигается лозунгами, возникшими из господствующей мыслительной моды, — такими как большевизм, коммунизм, классовая борьба, капитализм и социализм, посредством которых каждый полагает, что он точно описывает вопрос, поскольку не способен заглянуть в глубину фактов. То же самое происходило во всех прошлых культурах на той же самой стадии, хотя мы можем и не знать деталей.

Однако об Античности мы знаем достаточно. Апогей революционного движения лежит в промежутке от Тиберия и Гая Гракхов до Суллы, но борьба против руководящего слоя и его общей традиции началась еще за столетие до этого Гаем Фламинием, чей закон о земле 232 года был по праву охарактеризован Полибием (II, 21) как начало деморализации народной массы. Это развитие было только временно прервано и отвлечено войной против Ганнибала, в конце которой в «войско граждан» набиралась уже рабы. После убийства обоих Гракхов и их крупного противника Сципиона Африканского Младшего силы древнеримской традиции, сохранявшие государство, быстро исчезают. Марий, происходивший из простого народа и даже не из Рима, собрал первое войско, образованное не на основе всеобщей воинской обязанности, а из оплачиваемых, преданных ему

лично добровольцев, и вмешался с его помощью решительно и кроваво во внутренние дела Рима. Были в основном истреблены те старинные семьи, которые веками культивировали способности государственных деятелей и нравственное сознание долга и благодаря которым Рим был обязан своим положением как мировая держава. Римлянин Серторий пытался с помощью варварских племен Испании основать там государство-противовес, а Спартак призвал рабов Италии к уничтожению всего римского. Война против Югурты *, заговор Каталины ** продемонстрировали распад господствующих слоев, маргинальные элементы которых были готовы в любой момент ради своих денежных интересов призвать на помощь врагов страны и чернь форума. Саллюстий был полностью прав: из-за наличных денег, до которых были в равной мере охочи и чернь, и богатые спекулянты, погибли честь и величие Рима, его раса, его идея. Но эта масса, стекавшаяся со всех сторон в большие города, как и сегодня, мобилизовывалась и организовывалась не изнутри — чтобы завоевать свое «право» на самоуправление, свою «свободу» от давления правящих слоев, — а как средство для целей делег-политиков и профессиональных революционеров. Из этих кругов развилась «диктатура снизу» как неизбежное последнее следствие радикальной демократической анархии — как тогда, так и сейчас. Полибий, обладавший опытом государственной деятельности и острым взглядом на ход вещей, ясно предвидел это

* Югурта (160—104 гг. до н. э.) — царь Нумидии в 117—104 гг. до н. э. Талантливый военачальник и дипломат. Образование получил в Риме. Потерпел поражение от римлян в войне 111—105 гг. (Югуртинская война).

** Луций Сергий Каталина (106—62), образец римского заговорщика, активно злоумышлял против власти консулов в 65—62 годах до н. э., а поскольку консулом был Цицерон, то имя Каталины надолго осталось в веках. Типаж Каталины тем более неприятен Шпенглеру, что в своих политических интригах он апеллировал к плебсу и рабам.

еще за 30 лет до Гая Гракха: «...Итак, едва ли нужно говорить, что все существующее подвержено переменам и порче: в том убеждает нас непреоборимая сила природы. 2. Всякая форма правления может идти к упадку двояким путем, так как порча проникает в нее извне, или зарождается в ней самой; первая не подчиняется каким-либо неизменным правилам, тогда как для второй существует порядок от природы. 3. Выше мы уже сказали [3], какая форма правления возникает первоначально, какая следует за нею, каким образом они переходят одна в другую. 4. Поэтому, если только читатель умеет понимать связь между началом и концом^ он может и сам уже предсказать, что будет дальше: это, мне кажется, ясно. 5. Так, когда государство одолело многочисленные тяжелые опасности и затем достигло неоспоримо преобладающего господства, в нем водворяется прочное благосостояние, а вместе с тем частная жизнь непременно становится роскошнее, и граждане начинают преступать меру справедливости в погоне за должностями и в прочих вожделениях. 6. Когда со временем такое состояние усилится, наступает поворот к упадку, вызываемый властолюбием граждан и пренебрежением к скромному положению; к ним присоединяется спесивость и расточительность. 7. Народ будет только завершителем переворота, когда он вообразит, что любостыжание одних нарушает его выгоды, когда, с другой стороны, лезть честолюбцев преисполнит его высокомерия. 8. Тогда разгневанный народ, во всем внимая голосу страсти, отказывает властям в повиновении, не признает их даже равноправными с собою и все дела желает решать сам. 9. После этого государство украсит себя благороднейшим именем свободного народного правления, а на деле станет наихудшим из государств охлократией [4]*».

* *Полбий*. Всеобщая история в сорока книгах. Том 2. Кн. 6.57. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко.

Эта диктатура уже не угрожает белым народам, нет, мы находимся под ее полным господством, причем так глубоко и самоочевидно, что этого даже не замечаем. «Диктатура пролетариата», то есть диктатура извлекающих из нее пользу профсоюзов и партийных функционеров всех направлений, есть свершившийся факт, будут ли правительства теперь образованы ими или подпадут под их влияние из-за боязни «бюргерства». Этого же хотел Марий, но потерпел неудачу из-за полного отсутствия способности к государственному управлению. Однако этим обладал в полной мере его племянник Цезарь и завершил ужасное революционное время своей формой «диктатуры сверху», которая поставила на место партийной анархии неограниченный авторитет выдающейся личности, форму, которой он навсегда дал свое имя. Убийство Цезаря и его последствия не смогли ничего изменить. С тех пор идет борьба не ради денег или удовлетворения социальной ненависти, а только лишь за обладание абсолютной властью.

С борьбой между «капитализмом» и «социализмом» это не имеет ничего общего. Напротив: класс крупных финансистов и спекулянтов, римских *ецилхез* (с времен Моммзена это слово совершенно неправильно переводят как «всадники»), очень хорошо находил общий язык с чернью и ее организациями, избирательными клубами (*SociaIШа*) и вооруженными бандами, например Милона и Клодия. Эти финансисты и спекулянты давали деньги на выборы, восстания и подкупы, а Гай Гракх отдал им провинции для неограниченного использования в корыстных целях под государственным прикрытием. И тогда они учинили невиданную бедность, мародерство, ростовщичество, продажу населения целых городов в рабство, захватывали суды, в которых сами судили свои преступления и оправдывали друг друга. За это они обещали Цезарю все, и дали ему и его серьезно задуманным реформам закончиться неудачей, как

ЕПШ Освальд Шпенглер

только надежно обеспечили свои собственные преимущества. Этот союз между биржей и профсоюзом существует с тех пор. Он вытекает из естественного развития подобных времен, потому что соответствует общей ненависти к государственному авторитету и к руководителям производительного хозяйства, преграждающих путь анархической тенденции получать деньги без напряжения. Марий, политический простак, как и многие партийные вожди из народа, и его подстрекатели, Сатурнин и Цинна, мыслили также, как Гракх. Диктатор Сулла, захватив Рим, устроил ужасную резню среди финансистов, от которой они уже никогда не оправились. Со времен Цезаря финансисты как политический элемент полностью исчезают из истории. Его существование в качестве политической силы было самым тесным образом связано с эпохой демократической партийной анархии и погибло вместе с ней.